

ЛУЧШИЕ ФАНТАСТЫ ЕВРОПЫ

Читайте в серии:

ЛУЧ

ЛИГР

VITA
NOSTRA

ПРИВРАТНИК

СОЛНЕЧНЫЙ
КРУГ

МАРИНА И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

ВЕДЬМИН ЗОВ

Москва 2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д99

Разработка серийного оформления
Андрея Саукова

Иллюстрация на переплете
Вячеслава Остапенко

Дяченко, Марина Юрьевна.

Д99 **Ведьмин зов / Марина и Сергей Дяченко.** — Москва :
Эксмо, 2020. — 768 с.

ISBN 978-5-04-107294-0

«Ведьмин зов» Марины и Сергея Дяченко — долгожданное и прямое продолжение их знаменитого романа «Ведьмин век», который публикуется в этой книге в новой авторской редакции.

Действие романа «Ведьмин зов» происходит через тридцать лет после событий, описанных в первой части дилогии, в современном городе, живущем одновременно по законам индустриального общества и по законам мифа. Ведьмы — могущественные существа, бывшие некогда обычными женщинами. Инквизиция — служба, призванная с ними бороться, в рядах которой состоят как идейные борцы, так и садисты, упивающиеся властью. Ведьмин век, означавший торжество ведьм и конец привычного мира, остался в прошлом. Но для кого прозвучит Ведьмин зов?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-107294-0

© Дяченко М., Дяченко С., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ВЕДЬМИН
ВЕК

Глава 1

Впервые за много дней Ивга позволила себе расслабиться. Человек, все эти дни настороженно ее изучавший, наконец успокоился и даже расцвел. Какая-то ее шутка заставила его хохотать до слез, и, отсмеявшись, он потребовал, чтобы невестка перестала величать его «профессором Митецем», а звала как подобает — «папа-свекор»; Ивга расцвела в ответ и отправилась разводить костер посреди лужайки для пикников.

— ...Чтобы сердушко хотело, а все прочее могло! — Профессор оказался прямо-таки прирожденным балагуром. — Где двое, там и вскоре и третий, а где трое, там и пятеро, выпьем же, ребятки, и пусть нас в мире будет больше!..

Красное закатное солнце дробилось в высоких окнах ее будущего дома. Дома под красной крышей, где на фасаде — балкон, увитый виноградом и оттого похожий на этикетку старого вина. Подрагивал в высоте медный флюгер, и Назар топал через двор, неся под мышкой корзинку со снедью и постоянно что-то роняя — то полотенце, то ворох салфеток, то верткую картофелину.

Потом папа-свекор настроил мандолину; в репертуаре этого серьезного и уважаемого человека во множестве водились игривые, а подчас и фривольные песни. От хохота Ивга дважды уронила бутерброд в костер; папа-свекор поблескивал глазами и шпарил такое, отчего даже у Назара на щеках пробивался смущенный румянец.

Потом папа-свекор вдруг прижал струны ладонью, секунду помигал, глядя в костер, — и завел совсем другим голосом,

что-то напевное и с длинным сюжетом, где морячка махала платочком с берега, а из моря ее окликала русалка с круглым зеркальцем в руке и гребнем в зеленых волосах, и обе они желали заполучить себе красавца капитана.

Назар улегся в траву, и голова его оказалась на Ивгиных коленях. Папа-свекор невозмутимо откупорил следующую бутылку, одним глотком отхлебнул полбокала и запел студенческую лирическую; Ивге захотелось подпеть. Не зная ни слов, ни мелодии, она по-рыбьи открывала и закрывала рот, когда в нежную мелодию вмешался шум далекого мотора.

— Кто-то едет, — сонно сообщил Назар.

Ивга напряглась. Она не любила ни новостей, ни перемен, ни незваных гостей, ни даже веселых сюрпризов. Тем более сейчас, когда она разомлела, расплавилась в своем счастье, будто шоколад в ладони, когда у нее нет сил, чтобы защищать свое хрупкое внутреннее равновесие. Новый визитер — агрессор, непрошенно вторгающийся в ее мир, где наконец-то, после стольких мытарств, наступили покой и порядок...

Очень хрупкий покой. Вот — далекий шум мотора, и покоя как не бывало.

Назар с сожалением убрал свою голову с ее колен. Поднялся, радостно ухмыльнулся профессору:

— Па, а у Клавдия новая машина? Зелененький такой «Граф», да?

Папа-свекор сразу же отставил мандолину:

— Клав?! Елки-палки... Ну, дети мои, будем веселиться до утра...

Ивга молчала. Нехорошо, если они заметят ее разочарование. По-видимому, приехал старый друг; по-видимому, его приезду следует радоваться. В конце концов, явление нехорошего, несимпатичного человека вряд ли привело бы папу-свекра в такой восторг. И Назар не стал бы ерничать у ворот, козырять сидящему за рулем наподобие дорожного

гвардейца и кататься, как маленький, на железной отползающей створке...

Папа-свекор взял мандолину наперевес:

— А вот сейчас, Рыжая, я тебя с выдающейся личностью... Рыжая, что с тобой?!

Зеленая машина неторопливо въехала во двор. Аккуратно и вежливо, будто живое и воспитанное существо, — но фары, прикрытые щитками, показались Ивге мутными глазами чудовища. Кусок бутерброда встал у нее в горле — ни проглотить, ни выплюнуть; из закоулков ее тела поднимались тошнота и муть. Она помнила это ощущение — но тогда, в первый раз, оно было неизмеримо слабее. Теперь же...

— Ивга, что с тобой?!

Назар уже тряс руку того, кто вышел из машины; Ивга видела только спину прищельца, обтянутую светлой рубашкой. Черноволосый ухоженный затылок, гладкий, волосок к волоску...

— Ивга, да что ты?..

— Замутило, — выдавила она с трудом. — Папа-свекор, извините, мне бы в дом... Прилечь...

Прямо перед ней оказались его встревоженные, подозрительные и одновременно радостные глаза:

— Рыжая?! Ты, что ли?.. Дедом я буду, нет?..

Назар уже вел прибывшего к костру; теперь Ивга могла рассмотреть смеющееся лицо нежданного гостя. Совершенно незнакомое. Нет, не его она видела в тот раз, нет...

Почуввав неладное, Назар перестал улыбаться и в два прыжка оказался рядом. От прикосновения его рук сделалось легче — впрочем, ненадолго.

— Извините. — Она вымученно растянула губы, стараясь смотреть мимо гостя.

А гость все еще улыбался. Кажется, сочувственно.

Назар взял ее на руки. Прижал к себе крепко, будто котенка; понес к дому, ошарашенно заглядывая в лицо:

— Ну, Рыжая... Или ты съела чего-нибудь, или... Ну, Рыжая... Слушай, а врача не надо?..

Она улыбнулась так успокаивающе, как только могла.

Он внес ее на крыльцо. Невзирая на протесты, втащил на второй этаж — легко, только ступеньки жалобно скрипнули; коленом открыл дверь в ее комнату, уложил на кровать и уселся рядом, не выпуская ее руки.

— Стыдно, неудобно... — Она прикусила губу.

Назар мотнул головой, стряхивая со лба жесткую челку. Ободряюще улыбнулся:

— Не бери в голову... Клавдий — свой человек...

Ивга вздохнула — глубоко, так, чтобы воздух дошел до самых пяток. Тошнота уходила, но лихорадочная дрожь оставалась. Бедный Назар; какая неожиданная получилась ложь. И как он искренне обрадовался... Она, выходит, зря морочила себе голову, и все эти слезы в подушку были тоже напрасно. Назар...

Она испытала прилив нежности, такой, что пришлось отвернуться и спрятать лицо в подушке. Нежность — и стыд. Потому что она невольно обманула, потому что причина ее сегодняшнего недомогания не имеет ничего общего с радостным ожиданием потомства...

— Рыжая, а?..

Она провела пальцем по синей жилке на его твердой мускулистой руке:

— Неудобно. Пойди к ним, скажи... Я сейчас оклемаюсь.

Он сглотнул. Снова спросить не решился; погладил ее по щеке. Встал, отошел к двери; вернулся снова. Поцеловал ее в макушку. Сорвался с места, беззвучно подпрыгнул до потолка и качнул тяжелую люстру, так что звякнули гроздьи подвесок.

— Пацан... — Ивга через силу улыбнулась. — Послушай... А Клавдий — кто?

Он поднял брови:

— В смысле?

Она молчала, не умея сформулировать свой вопрос.

— Клавдий, — Назар почесал за ухом, — замечательный мужик, папин старый друг... Ну, еще он Великий Инквизитор города Вижны. Вот и все.

— Ага. — Ивга прикрыла глаза. — Иди...

Деревянная лестница снова вскрикнула — потому что Назар прыгал через две ступеньки. Ивга лежала, глядя на тени на потолке, и прохладная постель жгла, будто сковородка.

* * *

Оба молчали, и достаточно долго. В словах не было нужды; оба безмолвно наслаждались летним вечером, дымом костра и обществом друг друга. Гость лениво щурился, и огонек возле его губ неспешно пожирал тонкое тельце дорогой сигареты; хозяин вертел над огнем кусочек ветчины на острой палочке.

Потом из дому вышел Назар. Виновато улыбнулся, подошел к костру:

— Клавдий, вот так получилось... А я хотел вас познакомиться.

Тот, кого звали Клавдием, понимающе прикрыл глаза.

— Что ж ты ее бросил? — сварливо спросил профессор социологии Юлиан Митец. — Оставил одну?

Назар заволновался:

— Я, собственно, только Клавдию хотел, ну она прощения просила...

Гость нетерпеливо махнул рукой — понял, мол, не болтай чепухи. Назар еще раз виновато улыбнулся и поспешил обратно; двое мужчин у костра проводили его взглядом.

— Ты помнишь? — негромко спросил профессор Митец. — Относительно Назара. Я опасался...

Тот, кого звали Клавдием, кивнул:

— Ага... Он у тебя все никак не взростел.

Профессор Митец торжествующе улыбнулся:

— Что делают с нами женщины, Клав!.. Выпьешь?

Гость загадочно улыбнулся и вытащил из внутреннего кармана небольшую бутылку, плоскую, как камбала:

— А я вот вчера только из Эгре, столицы, понимаешь, виноделия... И там мне всучили такую вот взятку. Завидно?..

— Не может быть! — воскликнул профессор с театральным изумлением. — Но как кстати, Клав, удивительно кстати!..

Оба знали толк в вине, а профессор еще и пил с видом знатока, тщательно и сосредоточенно, как заправский дегустатор. Гость удовлетворенно усмехался.

— А у меня будут внуки, — сообщил, наконец, профессор Митец, любуясь рубиновой жидкостью на дне. — Полным-полно, целый дом внуков... Я так и думал, что ты опять мотаешься по провинциям. Я звонил.

— Труды, — неопределенно отозвался гость. — Праведные труды на благо... или во благо. У тебя будет красивая сноха, Юль. Когда свадьба?

Профессор, довольный, кивнул:

— Думаю, где-то в октябре.

— Вы еще не назначили? — удивился гость.

Профессор развел руками:

— Не смейся, я всего неделю как... Как Назар меня познакомил. И ведь еще боялся, что рассержусь...

— Но ты не рассердился, — кивнул тот, кого звали Клавдием. — И правильно сделал.

Профессор поднял с травы свою мандолину. Глядя, как он заботливо подтягивает струны, гость выудил из узкой золотистой пачки новую обреченную сигарету.

— Юлек...

Профессор отчего-то вздрогнул. Оторвался от своего занятия, удивленно уставился на гостя:

— А?..

Тот, кого звали Клавдием, извлек из догорающего костра ветку с угольком на конце:

— Юлек... Вот пес, не знаю, как и сказать.

— Ведьм своих по подвалам пугай, — пробормотал внезапно помрачневший профессор. — Меня не надо... Ну?

Гость закурил. Глубоко затянулся, не сводя с приятеля прищуренных, чуть воспаленных глаз:

— Ты, конечно же, знаешь, что она ведьма?

— Кто? — глупо спросил профессор.

— Твоя сноха. — Гость затянулся снова. — Будущая сноха... Как ее, кстати, зовут?

— Ивга, — механически ответил профессор. Потом вдруг резко поднялся со своего чурбачка. — Что?!

— Ивга, — раздумчиво повторил тот, кого звали Клавдием.

— Ты соображаешь, что говоришь? — глухо поинтересовался профессор. Его собеседник кивнул:

— Юлек... За двадцать пять лет этой каторжной работы... Я определяю *их* даже по паршивым черно-белым фотографиям. И, что самое печальное, *они* меня тоже чувствуют... Им от меня дурно. Вашей Ивге стало плохо не потому, что она беременна, а потому, что рядышком оказался злобный я.

Профессор сел. Подобрал брошенную мандолину.

— Плохо, что ты не знал, — сообщил тот, кого звали Клавдием. — Я рассчитывал, что... Но это простительно, Юль. Они, особенно молодые, особенно из глухой провинции... Очень боятся. Может быть, Назару она сказала?

— Помолчи, — пробормотал профессор, методично подтягивая и подтягивая струну. — О, зараза!..

Вывранный колок от мандолины оказался у него в руках. И сразу же после этого — в костре; потревоженные угли вспыхнули ярче — и успокоились снова.

Его собеседник выждал паузу. Вздохнул:

— Ничего страшного не случилось. Я сто раз видел счастливые семьи, в которых жена была ведьма. Ты знаешь,

сколько в одной только столице легальных их? Тех, что мы попросту держим на учете?

Оборванная струна на мандолине профессора Митеца свернулась спиралью, будто виноградный ус.

— Юлек...

— Замолчи.

Из дому вышел Назар. Слегка сбитый с толку, даже огорченный:

— Она сказала, что поспит... Но ей вроде бы лучше... Папа?!

Профессор отвернулся:

— Будь добр... будь добр, пойди и свари нам кофе.

Парень не двинулся с места. Когда он нервничал, ресницы его часто моргали — почти как у куклы, которую мелко трясут. Нервный тик.

— Папа...

— Назар.

Гость неожиданно усмехнулся:

— Все в порядке, Назарушка. Иди...

Оба напряженно молчали, пока за парнем не закрылась дверь кухни. И потом промолчали еще несколько долгих тягостных минут.

— Юлек, — медленно проговорил гость. — Ты разумный человек... всегда был. А теперь, вот зараза, я начинаю думать, что лучше бы мне этот маленький факт — сокрыть. Чтобы когда-нибудь потом, в спокойной обстановке...

— Ты соображаешь?..

Профессор отшвырнул от себя мандолину. Так, что она жалобно бренькнула, угодив на камушек в траве. Гость неодобрительно пожал плечами — но на этот раз промолчал.

— Ты... — Профессор перевел дыхание. — Ведьма... В моем доме... С моим сыном... Тайно... Как гадко. Какая гадость, Клав...

Он поднялся, сунув руки глубоко в карманы; голос его обрел требовательные нотки:

— Я прошу тебя, Клавдий, поговорить с Назаром прямо сейчас. Я не желаю... Ни минуты...

— Юль? — Тот, кого звали Клавдием, удивленно поднял брови. — А что я, по-твоему, могу сказать Назару? В конце концов, если он ее любит...

— Любит?!

Некоторое время профессор кружил вокруг костра, не находя слов. Потом уселся на место — и по выражению его лица гость понял, что на Юлиан Митец наконец-то взял себя в руки, надежно и крепко.

— Я так понимаю, — бесцветным голосом начал профессор, — что ты по долгу службы должен ее забрать? Для учета и контроля?

— По долгу службы, — гость в задумчивости закурил третью сигарету, — этим занимаются несколько другие люди. Вот распорядиться, чтобы ее забрали, — это я, в самом деле...

— Попрошу тебя — только не в моем доме, — уронил профессор все так же бесцветно и глухо. — Я не хотел бы...

— Да нет никакой необходимости ее брать! — Его собеседник сощелкнул с элегантных серых брюк черную снежинку кофоти. — Она сама придет куда надо, и, уверяю тебя, ни один сосед...

— Мне начхать на соседей.

Лицо профессора налилось желчью. Всякий, кто час назад был свидетелем праздника с песнопениями, поразился бы случившейся с Митецем перемене.

— Мне начхать на соседей. А вот на сына мне не начхать; инициирована ведьма либо нет... Ты смотришь на все это глазами, зараза, специалиста, а я... — Профессор осекся. Перевел дыхание, поднялся, намереваясь идти в дом.

— На месте твоего сына я бы послушался, — негромко сказал ему в спину тот, кого звали Клавдием.